

K84
K78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

**ЗАСТАВА
НА ЯКОРНОМ ПОЛЕ**

5197 80

СОБД в 03
ОТДЕЛ УПРАВЛЕНИЯ

ВЕЛИКИЙ КРИСТАЛЛ

K84
K78

Владислав Крапивин

ЗАСТАВА НА ЯКОРНОМ ПОЛЕ

Повесть

519780

Рисунки Евгении Стерлиговой

Москва
Издательский Дом Мещерякова
2014

Областная библиотека
для детей и юношества
г.Екатеринбург

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6
К77

Крапивин В. П.

К77 Застава на Якорном поле : повесть / Владислав Крапивин ;
рис. Евгении Стерлиговой. — Москва : Издательский Дом Меще-
рякова, 2014. — 160 с. : ил. — (БИСС).

ISBN 978-5-91045-668-0

В мире наступившего всеобщего благоденствия встречаются дети по-старому несчастные. Двенадцатилетнему Матвею Радомиру сообщили о гибели мамы и поместили его в интернат для детей, наделённых необычными способностями. Основатели интерната, члены таинственного Командорского круга, изолируют избранных детей ради правильного воспитания и развития их исключительных способностей. Когда Матвей почти примирился со своей потерей и своей новой жизнью, он услышал маму и отправился на её поиски.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91045-668-0

© Крапивин В. П., текст, 1989
© Стерлигова Е. И., иллюстрации, 1992
© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2014

Обсерватория «Сфера».

Расширенное заседание комиссии по итогам
квартальной деятельности спецгруппы «Кристалл-2».

Стенограмма. Фрагмент

Научный сотрудник Михаил Скицын: ...Таким образом, после очередного возмущения четырёхмерных полей типа «VITA» и «Glogia» в наблюдаемом секторе мы можем видеть чётко зафиксированное явление класса «Туннель» между гипотетическими гранями D и E. Причём туннель этот имеет...

Профессор Карло д'Эспозито: А собственно, почему «гипотетическими», молодой человек?

М. С.: Это, увы, не моя терминология. На ней настаивает Центр.

К. д'Э.: «Доколе же ты, о Катилина...»

М. С.: Согласен с вами.

Голос из аудитории: Туннель стабилен?

М. С.: В том-то и дело! Как никогда!.. С одной стороны, это противоречит привычной схеме с Мёбиус-вектором, поскольку направление обратно течению темпорального кольца...

Голос: Не обратно, а поперёк!..

М. С.: Вы правы. А с другой стороны, этот факт — увесистая гиря на чашу весов общей теории «Кристалла»...

Профессор Ян Таурин (лаборатория «Грин»): Однако, коллега, здесь противоречие...

М. С.: В чём, ёлки-палки, противоречие?! Мы пока подбираемся к исходным данным о Переходе робко и на пузе, как мыши к миске спящего кота. Не знаем ещё, простите, ни фига! А вы малейшее отклонение объявляете противоречием! Нельзя же судить о «Кристалле» с позиции учебника формальной логики для пятиклассников!..

Шум в аудитории.

Председатель: Михаил Петрович... Ваш тон...

М. С.: Виноват. Прошу извинения за тон. Но не за туннель. Он — факт, извиняться за него бессмысленно, если даже он кому-то не нравится.

К. д'Э.: Синьор Скицын, а справедливо ли утверждение, что вы как-то увязываете возникновение туннеля со вспышкой сверхновой на меридиане... гм... «гипотетической» грани D?

М. С.: Увязываю лишь во времени, но не вижу причинной связи...

Я. Т.: Однако ходят разговоры, что вы заявляли: «Эта штука, братцы, загорелась неспроста». И... странно как-то... именovali новую звезду весьма фамильярно: не то Гришкой, не то Стёпкой.

М. С.: Мало ли какие ходят обо мне разговоры...

Голос (обрадованно): Это верно!

М. С.: ...А что касается «фамильярного» наименования сверхновой, то идея эта не моя, а Якова Матвеича Скицына, автора трудов по аналогии кристаллических структур, почётного академика и...

Я. Т.: Вашего прадеда? Но он ведь... э-э, так сказать...

М. С.: Вы, так сказать, заблуждаетесь. Яков Матвеич вполне здравствует, несмотря на преклонные годы... Кстати, позвольте встречный вопрос: что вас так волнует эта сверхновая? Вы же недавно утверждали, что её не существует!

Я. Т.: Естественно, коллега! Я не могу поверить в звезду, которая объявлена сверхъяркой, но не видна ни в один телескоп.

М. С.: Ни в один из обычных телескопов грани А...

К. д'Э. (язвительно): Гипотетической.

Смешки в аудитории.

Голос (детский): Доколе же ты, о Микаэлло, будешь настаивать на нашем грешном существовании?!

М. С.: ...А если взглянете на экран межпространственных пересекающихся радаров...

Я. Т.: Я астроном, а не... алхимик.

М. С.: Ваша твёрдость сама по себе вызывает восхищение. Но она похожа на твёрдость святых отцов, не желавших смотреть в телескоп Галилея.

Я. Т.: Вы, я полагаю, ещё не Галилей.

М. С.: Да и вы... прямо скажем, если и отец, то не святой. Ваша статья в «Астрономическом вестнике»...

Шум в аудитории.

Председатель: Товарищи! Господа! Михаил Петрович...

Голос: А как быть с эффектом «поперёк»?

Второй голос (детский): Миш, расскажи про обратную спираль! Как хвост у Жучки!..

(Оживление. Смех.)

Председатель: В чём дело? Откуда здесь дети?

Секретарь: Это Витька... То есть Виктор Мохов, внук директора обсерватории, который, как вы знаете, сейчас в Центре и...

Председатель: Ну и... тем не менее. Здесь не кружок юных физиков.

М. С.: Он же пограничник.

Я. Т.: Что? Детей уже берут на военную службу?

М. С.: Великие Хранители!

* * *

— ...Я так намучилась за эту смену! Вожатые все девчонки-первокурсницы, толку никакого, всё на нас, на воспитателях. А нынешние дети — сама знаешь...

— Иди ты с этой работы. Пока не поздно.

— Ох, не говори! Хоть в вахтёры ушла бы. Да ведь стаж... В этой смене триста человек — и дебил на дебиле. Из-за одного чуть не кончилась, был такой Ромка Рогулин в пятом отряде. По прозвищу Ро-ро. В родительский день гляжу, он несётся по коридору и через две стеклянные двери — навывлет! Я и села мимо скамейки. «Врача!» — ору. Сама думаю: «Его в реанимацию, меня к прокурору». А он — хоть бы хны, только щека поцарапалась. Не остановился даже. Я ему вслед: «Вернись, паразит, ты куда?!» А он: «К ма-а-аме!..»

Из разговора в автобусе

1. Кольцо. Голос

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Малый ипподром»...

На Большом кольце поезда с перрона А идут по часовой стрелке, с перрона Б — наоборот. И никогда не меняют направлений — кольцо есть кольцо. Поэтому хвостовых моторных вагонов у них нет. Задний вагон такого поезда — с закруглённой кормовой стенкой. Узкий диван изгибается вместе с ней подковою. А над упругой спинкой — сплошное, тоже выгнутое, стекло.

Если встать коленками на прохладную искусственную замшу сиденья и положить подбородок на нижнюю планку окна, видно, как убегает назад чёрный, с бледными огоньками туннель, как быстро уменьшается светящийся полукруг — выезд со станции. Потом этот жёлтый ноготок исчезает за поворотом, туннель делается светлее. Бегут, не отставая, по гладкой полосе антиграва отблески хвостовых сигналов, ярче становятся фонари. При замедлении хода можно различить пористую кладку стен, замурованные арки, а кое-где — чёрные провалы и в них смутно белеющие мраморные колонны. Поезд прошивает известковые и бутовые толщи древнего Полуострова с его катакомбами, подземными храмами,

пещерными городами, подвалами крепостей и тайными библиотеками.

Тысячи лет в этих каменных пластах гнездились тайны. Великое множество. Тысячи лет, наверно, нужно, чтобы все разгадать. Если будет на то у людей охота... Ещё недавно рассказы о кладах и подземельях волновали до замирания души. А сейчас всё равно. Лучше не смотреть, закрыть глаза. Тогда голос делается будто не из стереодинамиков, а совершенно живой. Будто совсем рядышком, за спиной:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Магазин „Радуга“»...

В хвостовом вагоне пассажиров всегда немного. А сейчас, в послеобеденную пору, совсем пусто. Лишь в другом конце сидят двое-трое. Никто не заворчит на мальчишку, забравшегося с ногами на сиденье. Впрочем, сандалии он оставил на полу.

В скрытые щели вентиляции тянет сквознячок, щекочет голые пятки, пушистыми зверьками пробегает по ногам, прыгает под светло-серую капитанку с закатанными рукавами. Между лопатками — словно мохнатой лапой провели. На спине шелковистая аэроткань надувается пузырьком.

...Несколько раз он задумывался: почему эти полукурточки-полурубашки со множеством застёжек и хлястиков, с пряжками и погонами называются капитанками. Никто из взрослых не ходит в такой форме: ни моряки, ни офицеры Космофлота, ни Патрульная служба, ни дежурные Дорожной сети. Это чисто ребячья одежда — на все случаи беспокойного мальчишечьего бытия. Не рвётся, не мнётся, не льнёт к репейникам, за минуту отстирывается от любых пятен в холодной воде. Отталкивает жгучие лучи и хранит тепло в зябкую погоду. А больших карманов и потайных карманчиков столько, что и сам хозяин не всегда помнит. В холодную погоду у капитанки раскатываются рукава, подол заправляется под ремень длинных брюк (обычно с узорно-чеканной пряжкой),

пристёгивается откидной воротник-капюшон — и ходи хоть среди метели.

Хотя какая тут метель! Конечно, Полуостров — не настоящий Юг, но снег выпадает лишь на Рождество, да и то если очень постарается Служба погоды. Говорят, лет пятнадцать назад случилась такая зима, что пролив у Грюн-Капа на полмесяца затянуло льдом. Но нынешние мальчишки ничего подобного не помнят. Лето здесь тянется до конца октября. А сейчас лишь сентябрь, и в вагоне прохладнее, чем на улице. Там, наверху, не просто жара, а влажная духота. И небо — жёлто-серое, низкое, солнце вязнет в липком воздухе. Ничего не поделаешь — парниковый эффект. «Погодники» воюют с ним, как могут, да пока могут не очень.

Хорош бы он оказался, если бы поехал в лицейской форме. Встречные пялились бы на пацана в казённых, с лампасами, штанах до пят, в галстук и тесной чёрной курточке с галунами. Нет, в таком костюме не жарко, специальная «мундирная» синтетика даже холодит тело. Но что хорошего, когда на тебя все таращат глаза, как на сбежавшего из заповедника павлина, а мальчишки радостно орут вслед: «Ослы — на тот свет послы!»

«Ослы» — это из-за нарукавного шеврона. На нём концы золотого лаврового венка торчат, как ослиные уши, и тут же — буквы: «ОСЛ». Особый суперлицей. Супер — потому что учит человека от «нулёвки» до высшего диплома. Особый — потому что для всяких сверхталантов («Господи, а у меня-то какой талант?»). Многие считают, что одарённые сверх меры дети на этом свете не заживаются. Вот и «послы на тот свет».

Кантор вроде бы с шутливой ноткой, но в общем-то серьёзно любит напоминать, поднявши пухлый палец:

— Господа лицеисты, понятие «честь мундира» есть понятие не устаревшее, а вечное. Будьте выше праздного любопытства и насмешек обывателей и гордитесь принадлежностью к славной когорте. Вы соль будущего интеллекта общества...

В переводе на нормальный язык — на занятия в мундире, в город в мундире.

Есть, конечно, такие, кому нравится изображать гвардейцев и аристократов позапрошлого века. Дело их. Пускай берегут мундирную честь. А он сюда, в «ослы», не просился.

...Час назад он вышел из лицейского парка, пешком добрался до Южного вокзала, в электронной камере хранения взял свёрток с тем, что привык носить раньше, в прежние, домашние времена. Бесшумно переоделся в кабинке туалета. Всё казённое затолкал в прежнюю бронированную ячейку, придавил тяжёлой дверцей. И всё. И превратился в обычного пацана, затерялся среди миллионного ребячьего народа Полуострова...

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Дом капитанов».

«Да, я знаю... Помнишь, мы там выходили, чтобы посмотреть на этот дом? Это когда я ещё маленький был и мы гуляли вдвоём... Он длинный, белый, с круглыми окнами и корабельной вышкой. На вышке мачта со всякими висячими знаками — шарами, треугольниками. А выше знаков — флаг. Синий, с золотыми полосами и вензелем, как на капитанском рукаве. А может, „капитанка“ — потому, что на неё тоже пришивают всякие шевроны и знаки?»

Да, на погоны обычно шьют полоски разного цвета, на рукав — эмблему своего отряда или общества. А иногда и просто всякие значки и надписи. Но он ничего не пришил. Если просто так, картинки, — это неинтересно. А по званию ничего не полагается. В прежней школе, весной, он записался в клуб «Морские орлята» и уже почти прошёл кандидатский срок, и должны были скоро дать синие лычки на погоны и нарукавный знак с крылатым корабликом. Но инструктор неожиданно уехал на стажировку в лётное училище.

«Ты тогда утешала: „Не горюй, в сентябре получишь всё, что полагается. Может, ещё и медаль дадут...“»

«За что медаль-то?»

«За терпение... Не шмыгай носом, время быстро бежит».

Бежит-то оно быстро. Только если бы знать заранее — куда.

— Станция «Дом капитанов». Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Отель „Кочевники“».

Всё здесь известно. Всё расписание он знает наизусть, каждую станцию, каждую нотку в голосе. Сколько витков он сделал по Кольцу за свою жизнь!

— Святые Хранители, это что же такое! Ночь на дворе! Где тебя носило?

Он в дверях — коленки вместе, пятки врозь, пальцы дёргают подол капитанки. Так стоят люди виноватые и упрямые. Голова ниже плеч, волосы упали вперёд. Чтобы глянуть исподлобья, надо их раздуть. Но для этого необходимо оттопырить нижнюю губу, а губы сжаты. Пока...

— Я тебя спрашиваю, несчастье моё! Где ты был? Только не вздумай сочинять!

«Несчастье моё» — это хорошо. Это трещина в суровой сердитости. Только вот не вовремя намокли ресницы... А сочинять он не имеет привычки. Или молчит, или уж правду говорит.

— Скажешь ты, наконец, или решил меня уморить?

— По Кольцу ездил... — Это сипло и тихо.

— Новое дело! Зачем?

Дело совсем не новое. Не первый раз. И ей это, конечно, известно. Но... у таких разговоров есть свои правила.

— За-чем, я спрашиваю.

Он отдувает наконец волосы. Похожие на волокно расчёпанного ногтями льняного троса (натурального, конечно), они взлетают легко и опускаются не сразу. Он успевает посмотреть. Глаза в глаза. Потом — опять в пол. Носом втягивает воздух и говорит с лёгким вызовом:

— Тебя слушал... Как ты объявляешь.

Она опускается на кухонный стул, руки ложатся на хрустящий новый передник (он сине-зелёный, блестящий, с белыми и жёлтыми морскими коньками).

— Ещё одна новость. — А в голосе уже что-то вроде просьбы. — Тебе что, дома меня не хватает?

Он вскидывает лицо. Волосы ладонью — в сторону (будто комара скользким ударом бьёт по лбу). Смотрит ей в лицо опять и тут же — в дверной косяк. Говорит сквозь предательскую хрипотцу, но уже с затаённой (очень затаённой) дурашливой ноткой. Со спрятанной надеждой на прощение:

— Да-а... Там у тебя голос хороший, ты не сердись, не ругаешь.

— На-адо же... — Она склоняет набок голову (капелька-серёжка над плечом). — Значит, там я лучше, чем дома. Очень большое спасибо.

«Очень большое пожалуйста», — едва шевелит он губами. Так, для себя. И совсем неискренне, из остатков вредности.

— Но там я говорю свои слова для тысяч людей. И ни один из них не сделал ничего плохого. Ни один, я уверена, не доводит свою мать до нервной икоты...

— Ох уж, до икоты... — Это он косяку. — Чего уж я такого сделал-то...

— Не бубни! Ни один нормальный человек не лазает со своими приятелями по всяким подвалам и катакомбам, рискуя свернуть себе шею или оказаться в завале.

— Ох уж, в завале! Там всё безопасно, туда ещё наш учитель истории спускался, когда такой же был... как мы.

— Вот и лазил бы туда с учителем. А не с этим шалопаем Яриком.

— Это Ярик-то шалопай?! Сама говорила, чтобы пример с него брал!

— Я ошибалась. И очень горько. Два сапога пара, и обоих следует вздуть одинаково. Я вот позвоню его маме.

— Да знает она, знает. Тебе звонить обещала.

— Какое приятное известие! Археологи липовые...

Но это уже так. Это почти игра.

— Марш в ванную. Чучело, а не сын.

Ванная — это потом. А сперва... сперва потоптаться, посопеть у двери, потом побрести с опущенной головой, постоять, ткнуться носом в тёплое плечо рядом с клеёнчатой лямкой передника. Вздохнуть, получив невесомый хлопок по затылку. Снова посопеть, потереться об её плечо лицом.

— Нечего об меня нос вытирать. Я тут чуть с ума не сошла: то днём исчез, то вечером...

— М-м...

— Подлиза.

— М-м...

— Не мычи, а говори, если хочешь что-то сказать.

Она знает, что он хочет сказать. Вечное, как мир, и самое непрочное мальчишечье обещание: «Больше не буду...» Но даже в полную ласки и раскаяния минуту он не может выдать из себя эти слова. Такой характер.

Тёплая ладонь с растопыренными пальцами ложится на его заросший затылок. Пальцы треплют, теребят пряди. Вроде бы сердито.

— До чего упрямый...

Он стыдливо хихикает:

— Сама придумала, что Ёжики.

...Прозвище, казалось бы, ну совсем не для него. Вот у Ярика на темени две спиралью завитые макушки с жёсткими хохолками — и правда, как ёжики. Но Ярик — человек покладистый, «не то что эта колючка».

Да какая он колючка! Просто повелось так с дошкольных ещё времён. «Ты долго будешь с книжкой сидеть?» — «Счас...» — «Не „счас“, а спать. Кому сказала!» — «Ну, маленько ещё...» — «Брысь в постель!» — Хвать его в охапку. — «Следующая станция — „Нос-в-подушку!“»

Он, конечно, верещит и ногами дёргает.

«Не ребёнок, а ёжики...»

«Ха-ха-ха, почему?»

«Потому! Чуть что — иголки наружу: не хочу-у...»

«Ха-ха-ха! Тогда уж один ёжик!»

«Один — это мало. У одного хоть живот пушистый, а у тебя всюду колючки торчат. Куча ежат, все упрямо визжат...»

«Я никогда не визжу. Даже от щекотки. Ай, не надо! И-и-и!..»

«Вот так-то, Ёжики... Спать».

Ёжики так Ёжики. И прожил с этим именем до одиннадцати с половиной лет.

И вот сейчас тоже:

— Эх ты, Ёжики, колючки непутёвые. Ладно, не сопи, иди мыться. Шагом марш!

Это уже совсем прощение. Он дурашливо марширует в холл, потом в кафельную кабину с ванной-бассейном. Весело командует, задвигая дверь:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Океанский пляж»!

— Я покажу тебе пляж! Не смей устраивать наводнение!

А за дверью уже: ш-ш-ш, буль-буль-буль, плюх-плюх!

— Ну, только выйди, будет тебе «плюх»!

Он выходит, важно кутаясь в длиннополый мохнатый халат, как в шкуру-плащ туземного вождя. Слипшиеся волосы торчат длинными сосульками.

— Хоть бы вытерся как следует. Чучело и есть чучело. Не ёжики, а дикобраз...

Он шествует к похожему на присевшего бегемота креслу и погружается в его податливую мякоть. Говорит оттуда:

— А я знаю, почему твой голос записали... У вас там специальные дикторы есть, а ты вовсе и не диктор, а консультант, а для Кольца записали не их, а тебя. Потому что...

— Любопытно. Почему же?

Он вдруг теряет нос, прячет нос в махровый рукав.

— Ну, потому что он такой голос...

— Какой же? А? — Ей и правда интересно.

— Ну... как ты сама.

Голос и в самом деле вовсе не дикторский. Он слишком... домашний, что ли. И в словах, если очень прислушаться, есть неправильность — крошечная такая шепелявость. «Р» звучит мягко, «ж» похоже на «ш». И постоянное «осторожно» произносится с еле заметным ласковым прищёптыванием — «осторёшно»... Нет, не так, разумеется, но с намёком на «ё» и «ш»...

Ёжики сам видел не раз, как люди, услышав этот голос, поднимают глаза к динамику и чуть улыбаются.

...И «Ёжики» она тоже говорила мягко. Почти как «Ёшики»...

«Ёшики, опять с ногами на сиденье? Ну-ка, брысь!»
(«Бр-ись...»)

519780

Он вздыхает, сползает коленками с сиденья, садится, опустив ноги. На полу при стремительных поворотах вагона елозят туда-сюда расстёгнутые и брошенные сандалии. Ёжики суёт в одну из них ногу, нагибается, чтобы прижать к металлическому язычку магнитную пряжку. На ноге сбоку, выше косточки, белый рубец с точками по краям — след шва... Конечно, можно было бы убрать его за два дня специальной мазью (называется «ре-ге-не-ра-ци-онная»). Да и без мази он сумел бы сгладить шрам за неделю. Но не хочет. Пусть. Хорошо он всё-таки врезал тогда Кантору, жаль, что нога срикошетила...

Ремешок с пряжкой — будто живой: дёргается, хитрит, выскальзывает из пальцев. А тут ещё опять поворот, и мягкая сила валит Ёжики на бок. Он сердито покоряется ей и так, лёжа, дожидается шелестящего торможения и затем — знакомых слов:

— Станция «Восточные ворота»... Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

«Знаю. „Эстакада“...»

Он придвигается к боковому окну. Поезд, набрав ход, вырывается из туннельного сумрака в громадное дымчато-жёлтое пространство. Неяркое, похожее на грейпфрут солнце высоко висит во влажном воздухе, высвечивает море, обрывы

Грюн-Капа и бесконечные кварталы мегаполиса, что раскинулся почти на треть Полуострова. Кварталы эти — белые, стеклянные, разноцветные, убегающие в необозримые края по холмам и равнине — медленно поворачиваются за окном, словно за бортом аэробуса. А под полом, под тугой упругостью антигравитационной подушки, мягко гудит стальная эстакада. Она соединяет Крепостной холм, где стоят остатки тысячелетней Цитадели, со склоном горы Эдуарда. А глубоко внизу курчавятся верхушки парковых массивов Посейдоновой балки.

Посреди эстакады стеклянный павильон станции. Последние два пассажира вышли здесь из вагона. Поедут, наверно, на лифте вниз, в парковые дебри. А может, застрянут на смотровой площадке.

Ёжики лбом прижимается к окну. Сквозь стёкла вагона и станции виден склон горы Эдуарда, а левее — гребешок дальнего пологого холма, на котором щетинятся кипарисы — чёрные на жёлтом небе. За теми кипарисами есть скользкий от ракушек спуск садовых тропинок, а дальше — дом. Его дом. Родной до каждой щёлки на дереве старых перил, до последней царапинки на облицовочном пластике. Родной и... чужой. Нет, не надо сейчас о доме. А то не поможет и ауто-тренинг итгов.

Вон там, где торчит самый высокий кипарис, есть очень старая ракушечная лестница, она ведёт к школе. На ней почему-то всегда любят играть первоклассники. Таковую игру знают, наверно, только в этой школе: вроде классиков, но прыгать надо не по ровному месту, а по ступеням.

Две ступеньки,
Три ступеньки,
Жил-был рыжий кот у Сеньки...

«Сестра Анна, где вы? К вам опять очередь с разбитыми коленками!»

«Святая Дева, я не напасусь бактерицидки! Когда сроят эту окаянную лестницу!»

Попробуй срой! Все ребята крик подымут... Там не только замечательные ступени, там ещё широкий парапет сверху донизу, а по нему тянется жёлоб. Такой лоток, отполированный штанами школьников многих поколений. Садись наверху, пятки вскидываешь — и пошёл! Многие перед уроками специально забираются на верхнюю площадку, чтобы подкатить к школьному крыльцу с таким шиком. Но нельзя зевать в конце спуска: там есть выступ вроде трамплинчика. Если расслабишься, так хряпнет, что на первом уроке не сидишь, а страдаешь. Но Ёжики никогда не зевал. И Ярик не зевал.

Поезд уже ушёл с эстакады, вонзился в толщу горы Эдуарда, а в глазах у Ёжики по-прежнему жёлтый свет. И небо, и зелень. И, вскинув тёмно-ореховые ноги в красных кроссовках, летит вниз по каменному жёлобу хохочущий Ярик...

...Точно говорят, что беда не приходит одна. Точно и горько. Ведь всего за две недели до чёрного дня Ярик с матерью и её новым мужем улетели на другой край Земли. Туда, где пояс городов Золотого Рога. Насовсем. Конечно, в наши дни это не так уж далеко. Подумаешь, Золотой Рог, если даже с Марсом прямая связь (только без видео). Но ведь за руку теперь Ярика не возьмёшь, не схватишься — кто кого повалит на траве Замковой лужайки, не полезешь с ним искать ржавые наконечники стрел в подвалах Цитадели. Осталось только глядеть друг на друга на экране да говорить со странной неловкостью: «У вас как там? Нормально? У нас тоже нормально...»

Он как раз набирал на пульте код Золотого Рога, чтобы вызвать Ярика к экрану, когда пришли эти двое: мужчина в форме лётчика Внутреннего флота и тётка из Опекунской комиссии...

Не надо про это. Лучше про школу... Как он забавно боялся, что его не возьмут в первый класс, потому что болел

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Кольцо. Голос	9
2. Игра в шары. Росток	22
3. Паутина. Кантор	37
4. Хранители. Яшка	56
5. Ретгерхальм. Кристалл	78
6. Кронверк. Чёрный телефон	94
7. Аутотренинг итгов	104
8. «Я — звезда». Жёлтое окно	115
9. Генератор	135
10. Поле надежды	144